

УРОК ГИМНАЗИИ

Марина ЯИЧКИНА,
факультет журналистики СПбГУ

В нашем городе до сих пор нет музея общего образования (есть только музей профессионального образования на улице Марата). Поэтому любые публикации по истории учебных заведений и тем более выставки привлекают особое внимание. И вот в выставочном зале музея А.А. Блока открылась небольшая, но очень насыщенная и ёмкая выставка, посвященная некоторым страницам истории гимназического обучения в Петербурге—Петрограде. (О современном гимназическом образовании речь идти не будет.)

Появление этой выставки именно в музее Блока закономерно продолжает тему «Блок-гимназист»: недаром среди фотографий на общем фоне выделяются фотоснимки Блока-учащегося одного из средних классов и Блока-выпускника гимназии.

Выставочный зал на большое число экспонатов не рассчитан, да и самих экспонатов не так-то уж много в музыкальных фондах и частных коллекциях. Поэтому говорить о каком-то очень широком и тем более углубленном представлении о гимназическом образовании не представляется возможным; и всё же отдельные черты выявлены достаточно точно.

Много ли мы знаем о дореволюционных гимназиях? Я не имею в виду крайне малочисленных специалистов по истории педагогики. Всё, что я смогла вспомнить, можно буквально посчитать на пальцах: рассказы Чехова с его героями, как гимназистами, так и учителями (при этом действие на уроках не описывается), многостраничный и немного скучноватый роман инженера-литератора Н.Г. Гарина-Михайловского «Гимназисты». Горестный и сатирически насыщенный памфлет Власа Дорошевича «Маленькие чиновники», конечно же, повесть Льва Кассиля «Кондуит», повесть «Беллет парус одинокий» Валентина Катаева. Строго документальные научные и в то же время лично

эмоциональные впечатления о гимназии периода ее заката оставила Мариетта Шагинян. Ее исторический этюд «Билет по истории» и мемуарная книга «Человек и время» дают не только яркое представление о гимназической жизни в целом, но и являются ценными источниками. Особенно интересны страницы воспоминаний Шагинян о женской гимназии. Есть у Мариетты Шагинян замечательная роман-хроника «Первая Всероссийская» о выставке ремесел и других сфер деятельности России на широком историческом фоне. Большое внимание автор уделяет и школе, но преимущественно начальной и народной. Читая эти страницы, воочию убеждаешься в том, что это был совершенно иной мир учебных заведений, нежели гимназии.

Д.А. Засосов и В.И. Пызин, авторы занимательных и документально-точных краеведческих очерков «Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов», профессиональными литераторами не были, но умели изложить личные впечатления живо, занимательно и даже забавно. Есть у них глава-очерк и о гимназиях. Также не могут не вспомниться страницы мемуаров видных деятелей литературы, искусства, науки, в частности страницы о знаменитой не только на Васильевском острове, но и во всем Петербурге—Петрограде знаменитой либерально-демократической частной гимназии Мая, своеобразного «инкубатора» ученых России: достаточно сказать, что в числе так называемых «майских жуков» было около четырехсот в будущем докторов наук!

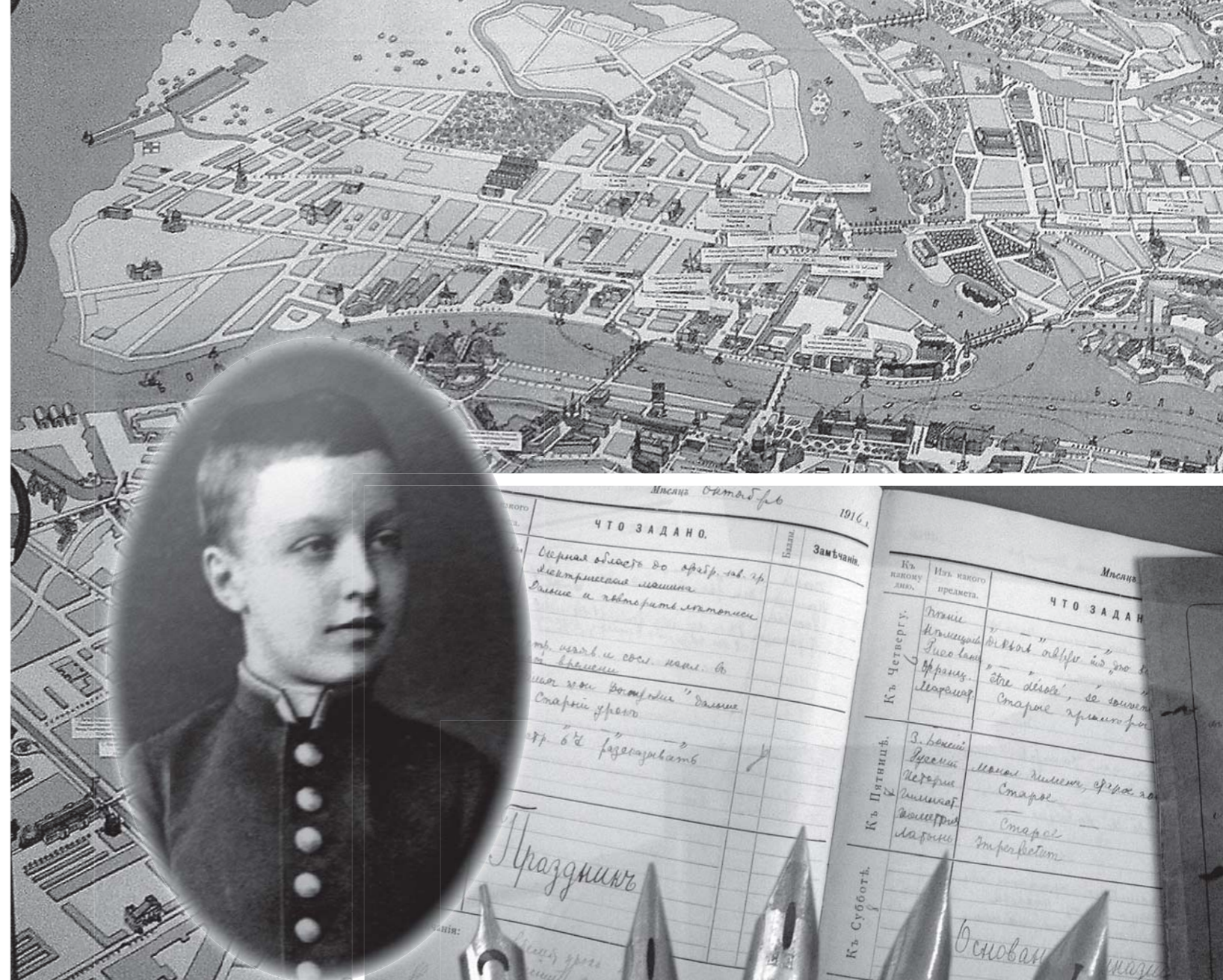
Итак, гимназии частные и казенные. Между ними — существенные, зачастую принципиальные отличия и в учебных программах и в форменной одежде, и в быту,

и в том понятии, которое раньше подразумевалось, но так не называлось — «моральный климат». Правда, глядя на карту-схему гимназий Петербурга, сразу не отличишь, какое из обозначенных семидесяти учебных заведений частное, какое — казенное; более того, в некоторых случаях по одной, так сказать, «крышей» находились учебные заведения разных типов: и гимназия, и реальное училище. Возникает вопрос: «Много это или мало для Петербурга 1913 года?» Следует обязательно учитывать, что в гимназиях, да и в реальных училищах, никогда не было двух смен и так называемых «параллельных классов». Что же касается наполненности классов, то, судя по разным источникам, число гимназистов и гимназисток колебалось от 28 до 35, то есть примерно столько же, сколько и в современных школах. Возраст учащихся колебался от 9 до 17

лет, в 18 заканчивали гимназию очень редко.

Для сравнения, на сегодняшний день в нашем городе, с учетом пригородов, свыше шестисот средних школ; естественно, надо учитывать, что сильно возросла численность жителей, но при этом среднее образование остается доступным для всех слоев общества. Раньше же доступность гимназического образования для широких слоев жителей даже губернских городов (в некоторых уездных

городах тоже имелась гимназия) была минимальна: значительная обязательная плата за обучение (взятие на казенный счет — явление редчайшее), разного рода сословные ограничения. Например, гимназия №1 комплектовала своих учеников только из состава дворянства, в гимназию №2 могли поступать дети чиновников и купцов, гимназией №3 могли быть приняты дети мещан и мелких торговцев, что же касается детей рабочих и тем более крестьян, то

эти исключения были невероятно редки.

Судя по карте-схеме, некоторые гимназии, кроме номера, имеют уточнительное слово в названии — *классическая*. Возникает вопрос: «Какие же среди них были еще?» Выставка на него ответа не дает, но мне удалось уточнить, что наряду с *классической гимназией* существовали так называемые *гимназии реальные*, то есть это своеобразные учебные заведения — гибриды реального училища и гимназии: гуманитарных предметов в них было меньше, а математики, физики, химии, биологии — больше.

Разумеется, за историю своего существования гимназии претерпели большие изменения, и весь путь их развития в данной маленькой выставке отражения не нашел и не мог найти. Поэтому посетители выставки имеют возможность заглянуть в страницы истории лишь последнего этапа существования подобных учебных заведений.

Заинтересовавшись хотя бы примерной ценой платы за обучение, точной цифры я получить не смогла: как мне объяснили, специальная плата имела большие колебания — и среди казенных гимназий, и тем более среди частных. И все же косвенные данные получить мне удалось: судя по воспоминаниям известного писателя-искусствоведа Л.В. Успенского, выпускника частной гимназии Мая, его отец — чиновник среднего ранга, с трудом смог выплачивать необходимые суммы за обучение сына. Что же касается представителей неимущих классов, то характерен такой пример: токарь депо высшего класса квалификации, чтобы оплачивать обучение дочери в гимназии в губернской Полтаве, вынужден был взять себе вторую, равнозначную по объему и трудоемкости, работу.

Материальное положение преподавательского состава и администрации тоже точно определить нельзя: большой разброс цифр в

зависимости от времени действия, от характера и вида учебного заведения. Косвенные же данные таковы: по свидетельству бывших гимназистов, которым так или иначе приходилось бывать в домах своих учителей, жили они, по нашим меркам, несравнимо состоятельнее, чем педагоги нынешних школ. Достаточно сказать, что каждый снимал квартиру больше чем в четыре комнаты, имел кухню, мог обучать своих детей в частных гимназиях. Отец моего знакомого журналиста рассказывал о том, как видел в Полтаве начала XX века знаменитые колядования, которые поощрялись и самими преподавателями: он сумел рассмотреть своими глазами быт не только учителей, но

и даже директора, который жил в двухэтажном каменном доме. Так вот, уровень жизни среднего учителя той поры был на уровне среднего чиновника губернского города. При этом за дисциплиной им следить не приходилось: для этого существовали специальные надзиратели — и на уроках, и на переменах, и даже на улицах.

Среди экспонатов выставки, способных «заговорить», есть несколько подлинных удивительных предметов. Это, прежде всего, подлинник *кондуита*. Современник это слово вряд ли поймет. *Кондуитом* называлась специальная тетрадь, куда записывались все замечания к учащимся. Сейчас в некоторых школах существуют

так называемые *дисциплинарные тетради*, прототипом которых можно назвать как раз *кондуит*. Больше всего удивляет разница между проступками современных школьников и гимназистов начала XX века, а также меры наказания. Например, за антиобщественное поведение в городском саду — пять часов карцера, за прогулку с тростью по улицам города — карцер на час, а за то, что гимназист, отрок по возрасту, нес ранец за один ремень, а не как положено по уставу — карцер на три часа. Правда, карцером тогда считалась малая чистая, теплая и светлая комната, где можно было спокойно посидеть или даже почитать книгу.

Не могли не удивить и темы сочинений по литературе для учащихся старших классов. Кстати, интересно заметить, в женских гимназиях был обратный счет: восьмой класс считался начальным, а первый — выпускным. Вот примеры некоторых тем: «*Что такое драматический конфликт?*», «*Начало романтизма*», «*Причины и условия успеха повести Карамзина «Бедная Лиза»*», «*Взгляды Карамзина на историю*»... Некоторые из этих тем, как я думаю, вызвали бы затруднение даже у студентов-филологов. Начало одного сочинения, представленного в виде образца на витрине стенда, удивило меня четкостью изложения и широтой кругозора. А ведь это сочинение ученика обычной гимназии, а не той, которая специально готовила выпускников на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Все чисто бытовые подробности привести к единому знаменателю мы тоже не сможем: слишком большая была разница в порядках каждой из гимназии! Совершенно ясно одно: нагрузка давалась значительная, времени для безделья практически не оставалось. Попробуй не приготовить урок для какого-нибудь чеховского «человека в футляре»! Все помнят со школы звонок с урока на перемену и наоборот. Так вот, в гимназии казенной он мог звенеть и пять раз подряд, давая последовательные команды типа «прекратить писать», «собрать вещи», «готовиться к выходу на перерыв» и т.п. Вторая половина дня тоже, судя по многочисленным воспоминаниям, была достаточно плотной,

в частности, практиковалась работа обязательных кружков.

Чаще всего знания оценивались по традиционной пятибалльной системе. Недаром вспоминаются строки поэта-сатирика Петербурга начала XX века Саши Черного:

Ревет сынок! Побит за двойку с плюсом!

В некоторых гимназиях была и двенадцатибалльная система, но чаще всего оценки обозначались словесно.

Теперь в самый раз обратиться к вопросу о так называемых плюсах и минусах, то есть прибавках и изъятиях от отметок. Сейчас в школах этой практики почти нет: разве что учитель, оценивая ответ, может сказать: «Оценка между тройкой и четверкой. Так, четверочка с минусом». Но еще здравствуют те, кто учился в послевоенные годы, когда «плюсы» и «минусы» существовали официально и даже заносились в табели как итоговые оценки за четверть. За учебный год, правда, такая практика не применялась: там оценки были круглые. В гимназиях же конца XIX — начала XX веков разве что единицы не имели этих полубалльных добавок — остальные отметки совершенно официально дополнялись *плюсами* и *минусами*. Если произвести нетрудный подсчет, то получится опять же 12 баллов! Вот такая арифметика в оценках знаний, прилежаний и характера поведения в школе. За прилежание оценка выставлялась еще в 60-е годы XX века. Пятерка за поведение была нормой. Четверка — это уже тревога, вызов в школу родителей и т.д. А тройка — просто ЧП!..

Что же касается расписания предметов, то некоторые из них современного старшеклассника удивят: ну, скажем, «естественная история», «космография», что в какой-то степени можно сравнить с «астрономией». Бросается в глаза и присутствие в расписании педагогических предметов.

Теперь несколько слов о том, что ныне именуется *канцелярскими товарами*. На выставке были представлены деревянные линейки, счеты, перья для чернил, чернильницы, перочистки. На крышке рояля одиноко стоит керосиновая лампа. Да, даже в Петербурге, не говоря уже о губернских и тем более уездных городах,

электричества в классах не было. Отопление, конечно же, имелось печное. В коридорах и гимназическом зале, как вспоминают бывшие гимназисты, упражнения выполнялись в обычной форме, а не в какой-то специальной тренировочной одежде. Уроков физкультуры не практиковалось, их заменяли уроки гимнастики, причем только в мужских гимназиях.

А вот об этой стороне деятельности гимназий конца XIX — начала XX веков мало кто слышал: оказывается, ряд гимназий, во всяком случае, в столице, выполняли функции контрольно-методические и аттестационные. В мемуарах одной нашей горожанки мне удалось найти упоминание о том, что мужская гимназия №7 на Кирилловской улице принимала экзамены за *неполный* гимназический курс у будущих фармацевтов, аптекарских учеников, зубных техников и народных учительниц. Сама автор мемуаров сдавала экзамены (их было три: устный русский, арифметика и сочинение) на звание народной учительницы.

До сих пор в школьной практике отличников награждают золотыми и серебряными медалями; правда, счастливицы ждут некоторое разочарование: золотой сверху только тоненький слой, покрывающий металлическую форму. Гимназисты же получали медали из чистого серебра или червонного золота.

...Вот такие пунктирные линии к, условно говоря, портрету гимназии. К гимназиям современным они никакого отношения не имеют. Тогда они давали значительную и стойкую на всю жизнь гуманитарную грамотность. Один только пример. В связи с расширением издательского дела в 20-е годы в новых издательских организациях потребовалось значительное число корректоров, библиографов и библиотечкарей. На все эти должности и даже на редакторские охотно принимали выпускники женских гимназий. Гимназические учителя оставшиеся на Родине, продолжали свою работу и, как утверждают знатоки, работали в школах, в том числе и нашего города, вплоть до середины 50-х годов XX века.

Вот такие предварительные итоги дают нам уроки старой гимназии.